

К Р О К О Д И Л

2556

№ 13

МОСКВА, МАЙ
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

1934

13

ОТВЕДИТЕ ПОТОК ЧЕРНИЛ ОТ СКОТА!

Рис. К. Ротова

О ТЕЛЯТИНЕ, ГРУБО ГОВОРЯ

Телятина и теленок — это, грубо говоря, одно и то же.

Теленок почти весь состоит из телятины. Попробуйте-ка спорить!

А телятина,— из чего состоит она?

О происхождении телятины рассказывал на семнадцатом съезде партии товарищ Ворошилов.

Речь Ворошилова прослушали на съезде, потом напечатали в газетах, потом изучали во всех партийных организациях по всей стране.

В Азово-Черноморском крае, конечно, тоже изучали речь.

В городе Ставрополе-Кавказском тоже изучали. И резолюцию приняли. Горячую резолюцию. От резолюции пышет пламенем и жаром.

Это особенно ценно, потому что под Ставрополем расположен большой скотоводческий племенной совхоз. Гордость всего края.

Ставропольские племенные производители — мечта каждого колхозного хозяйства. За сотни и тысячи верст съезжаются паломники просить племенного бугайка, чтобы подправить тощую, слабосильную доревенскую коровью породу.

Но в совхозе порядки строгие. Бугайков не дают никому. Разве — по особой протекции. О телках и говорить нечего. Телок у совхоза никто не смеет и просить. Телки предназначаются для особо важных опытов выращивания высоко ответственного чистопородного молочного скота.

Днем и ночью администрация и рабочие совхоза ходили на цыпочках вокруг аристократических телок, подготавливая их к будущей ослепительной карьере. Кто знает, куда еще доберутся ставропольские питомцы и питомицы? Может быть, поедут они в край, может быть, в Москву, а того и гляди, — дадут им заграничные паспорта, и будут они, сверкая шелковистой шерстью, невинно улыбаясь карими глазами, стоять на какой-нибудь международной сельскохозяйственной выставке, в мраморных стойлах, на паркетном полу, залитые светом прожекторов, под объективами кино-и фотоаппаратов, и будет над каждой из них спокойная гордая табличка:

«Маруська», от «Яшки» и «Наташки», удойность такая-то, совхоз «Ставрополь-Кавказский», Союз советских социалистических республик».

Телок кормили, за телками следили, телок не жили и холили, как девушек на выданьи,— и вот наступил долгожданный момент.

В совхоз явился обыкновенный на вид гражданин и вручил директору письмо из самого центра.

Главное племенное управление Наркомсовхозов и Краевой племенной трест уполномочивали товарища Гуроглянца получить в совхозе двести тридцать две телки.

Высокого посланца обслужили без всякой волокиты. Старик рабочий повел Гуроглянца в загон и показал блестящее общество молодых красавиц.

— Они лицом в грязь не ударят, будьте спокойны. Через пять месяцев все будет с молоком. Покрыты чистокровными производителями. А каких вы от них теляток получите, — вспоминать будете наш совхоз!

Посланец из центра молча кивнул головой. Он торопился.

Двести тридцать две телки срочно отбыли из совхоза. Они выехали, по всем признакам, в далекое праздничное путешествие.

Но нет, их путь оказался короче, чем можно было ожидать.

У гражданина Гуроглянца был записан адрес:

«Военнокооперативное управление Северокавказского военного округа».

Не прошло двух дней после трогательного отъезда. В Ростове спешно кромсали ставропольских телок.

Резали, рубили, свеживали, разделявали туши, жарили на сковородах, варили в котлах, тушили в духовках, сыпали на столы антрекоты, шницеля, котлеты и километры телячьей колбасы.

... Не долго отдыхали в совхозе после отправки партии телок. Опять явился гражданин Гуроглянец. И привез новую бумагу.

Заместитель начальника Краевого военнокооперативного управления Морохин писал: «Для укомплектования стада военнокоопхоза испытываем острую нужду в племенных бугаях-производителях. Просим отпустить двести голов». Главное племенное управление Наркомсовхозов удовлетворило просьбу Морохина и предписало отпустить скот.

Получая бугаев, бодрый гражданин Гуроглянец метнул глазами искру и весело сказал совхозным рабочим:

— Это до ваших коровок мужья поедут.

В совхозе покосились на Гуроглянца. С каких пор для бугаев введено единобрачие? По самому скромному расчету двести производителей должны покрыть двенадцать тысяч коров... Но совхозные сторожа не стали спорить. Начальству виднее, куда, кому и сколько. Подпись есть, печать приложена.

В ростовской военной кооперации начался великий мясоед. Чистопородных производителей кололи и резали день и ночь. Телятину не ели: ее жрали. Племенное мясо растаскивали тоннами, кто куда. Были легкие заминки с убоим (запрещено бить породистый скот), тогда на стол клали игривую справку: «В виду потери карточек считать беспородными». По этой справке сотни племенных красавцев шли на бойню во славу военнокооповскому меню.

Еще немного времени прошло, и в совхозе «Ставрополь-Кавказский» в третий раз появился неумолимый Гуроглянец. Он держал в руках новый наряд. И опять угнал с собой двести пятьдесят племенных бугайков.

Новая добыча уже не лезла в горло. Кооператоры еще не дожрали вторую партию. Как быть?

Это было уже после семнадцатого съезда. Любители свеженькой телятины придумали исход. Они кастрировали сто производителей. Самое верное дело. И мясо сохраняется в живом виде, пока не понадобится к столу. И резать можно без всяких формальностей в любой момент. Кастрированный скот перестает быть племенным, он разрешен к убою...

На съезде партии Ворошилов горячо и страстно напоминал простые, жгучие истины о происхождении телятины:

— Нужно прекратить убой телят! Мало выкормить теленка (что мы тоже не очень умеем делать!), его необходимо потом сохранить, вырастить. А у нас, к сожалению, телят вскармливают для того, чтобы потом, не задумываясь, пускать на мясо. Правда, товарищ Микоян обязан заготавливать мясо в количестве, определенном планом, но планы могут выполняться без того, чтобы истреблять молодняк — основу восстановления стада. Столько-то заготовленных телят означает, что мы лишились столько же коров и быков. Сохранение телят — важнейшее условие дальнейшего роста нашего стада, это нужно твердо помнить.

К кому обращался Ворошилов с трибуны партийного съезда?

Конечно не к Гуроглянцам и Морохиным, не к спекулянтам и хищникам, не к бездушным чиновникам, истребляющим живой золотой фонд советского животноводства. К этим людям нечего обращаться. Их надо брать за шиворот и сажать за решетку так же, как директора совхоза Лапсе, и директора племенного треста Кабенока и всю окружающую их свору агентов, спекулянтов, вредителей.

Но честные партийцы-начальники, но Народный комиссариат совхозов, но руководство военной кооперации, но краевые власти—где были они все? Как могли они допускать чудовищную вакханалию расхищения и пожирания драгоценного племенного молодняка?

Какова степень их ответственности за телячий погром?

Не знали?

Недосмотрели?

Прозевали?

Или кое-что знали, но, грубо говоря, предпочли замять и телячьим воплям заглушить безупречными докладами о пользе молодняка и недопустимости истребления такового?

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

С. М. БУДЕННЫЙ В ГОСТЯХ У „КРОКОДИЛА“

Перед тем как писать и рисовать о животноводстве, мы просили одного специалиста сделать нам небольшой доклад.

В хмурое, дождливое утро специалист пришел в редакцию с облезлым портфелем, сквозь бока которого уныло просачивались устаревшие цифры. Монотонный голос специалиста вибрировал десятичными дробями и капал процентами.

— В то время,— забубнил наш докладчик,— когда среднюю яйценосность в ЦЧО нужно считать в 0,077, наименьшая удоимость выражается в 9 процентов. Без одной сотой. Что же мы видим, если подойдем к лошади? В то время как южно-канадская лошадь по своей грузоподъемности отстала от данных 1889 года, лошадь Марийской области по гривообразности шагнула к 3,08, не считая сведений за последний квартал...

Мы записывали проценты и дроби. А когда докладчик перешел к корове и стал делиться с нами десятичными дробями о быковыносливости, внезапно проснувшийся пожилой фельетонист посмотрел на него мутными глазами и хмуро спросил:

— Выходите на Никитской? Я за вами...

И заснул снова.

Пришлось использовать внутренние ресурсы. Легкий доклад о животноводстве вызвался прочесть для сотрудников секретарь редакции. Его доклад был значительно веселее, но мало научен и несколько односторонен.

— Начнем с гепарда,— солидно откашлялся он, разложив географический атлас.— Самка гепарда отличается от самца тем, что живет в Африке.

— А самец в Австралии?— неосторожно и сразу сбил его один из художников.— Что же он к ней во время отпусков приезжает, что ли?

— Не мешай. Мне гепард нужен только для разгона. Перешагнем через антилопу, пеликана и болотную урью и перейдем непосредственно к мустангу. Мустанг—это совершенно дикая лошадь, чего нельзя сказать о бизоне.

Запутавшись между сибирским медведем и бельгийским кроликом, секретарь уныло ушел к себе в комнату читать стихи молодых поэтов.

После этих двух неудачных попыток, мы обратились к редактору:

— Пригласите к нам человека, который рассказал бы нам о животноводстве. Без процентов и гепардов. Без средней яйценосности и без перешагивания через антилопу. Нам очень хочется послушать. Честное слово!

— Хорошо,— ответил редактор,— приглашу.

И в результате этого приглашения в редакцию «Крокодила» приехал Семен Михайлович Буденный.

Около трех часов провел с нами Семен Михайлович и без процентов, без десятичных дробей, а живыми образными фразами рассказывал нам о живых людях, которые работают на фронте советского животноводства. Перед нами проходили загорелые,

мускулистые, сильные люди, которые еще не так давно были в боевом огне, а теперь крепко и любовно выращивают и оберегают овец и тысячеголовые конские табуны.

— Приехал я как-то в один совхоз в Сальском районе,— рассказывает Семен Михайлович.— Очень большой совхоз. Двадцать две тысячи овец, семь тысяч лошадей, свиньи, рогатый скот, птицы масса. А директором там товарищ Чумаков. Он у меня в гражданскую войну в Первой конной командиром был. Толковый человек, упорный. Командир он был хороший, и хозяин из него получился замечательный.

— Походили и поездили мы с ним по совхозу, осматривали, советовались, только к ночи вернулись домой. Лег я спать. Сплю, вдруг слышу за стеной шум. Волнуется кто-то. Кричат, спорят. Просыпаюсь—два часа ночи. Ну, думаю, наверное что-нибудь стряслось в совхозе неладное. Мало ли что может быть,— хозяйство большое. Спрашиваю, в чем дело. А мне совершенно серьезно и с большим волнением отвечают:

— Беда, Семен Михайлович. Гусенка загубили!

— Оказывается, один гусенок долго не вылупливался. Взяли тогда и легонько продолбили скорлупу. Вылез гусенок, а гусыня его нечаянно и задавила. Понимаете: в хозяйстве три тысячи гусей, и вот из-за одного гусенка будят в два часа ночи директора! И он не ворчит, что спать хочет, а сам волнуется и на другой день все только и разговаривали: гусенок погиб... Вот это любовь к делу, вот это настоящий, не бумажный подход к задачам животноводства!

Не мало Семен Михайлович рассказал нам о делах и людях другого сорта. Об умниках, которые не кормят лошадей в выходные дни. Не работает,— пусть не ест, а питается чистым воздухом. О головопаяских теориях поголовной замены во всем сельском хозяйстве лошадей машинами. И о многом другом.

Почти все, рассказанное им, мы постарались отразить на страницах этого номера «Крокодила».

— Мне кажется,— задумчиво сказал секретарь редакции, когда Семен Михайлович ушел,— в прошлый раз я сделал маленькую ошибку. Мне следовало бы начать с лошади и с коровы, а не с гепарда...

— Не мучайся,— утешил его кто-то со стороны,— на гепарде Семен Михайлович тоже, может быть, запутался бы, а вот лошадь он знает действительно! Попробуй и ты говорить только о том, что знаешь.

На подоконнике пожилой художник спешно что-то доделывал на рисунке.

— Ты что,— спросил его технический редактор,— меняешь композицию?

— Да так, знаешь,— конфузливо ответил художник,— у меня лошадь получилась несколько фиолетового оттенка. Кажется, это не совсем реально... Я ведь ее еще до приезда Семена Михайловича рисовал...

Рис. Ю. Ганфа

Арийское племенное хозяйство для выкармливания фашистского поголовья. Открыто для удивления публики ежедневно. Животных просят не дразнить палками, зонтиками и газетными статьями.

ЖЕРТВЫ БОЯ

Так как мы боимся запутаться в подробном изложении этой сложной и волнующей истории, начнем прямо с конца:

„Г. Вязники.

Конному двору ГОРПО.

Арест с лошадей снят.

Лошадей можно пускать на все работы.

Инспектор милиции

Козлов“.

Как видно из прилагаемого документа, все окончилось благополучно. Над лошадьми засверкало горячее солнце свободы, а инспектор милиции широким жестом предоставил им и все трудовые возможности. Да иначе и быть не могло. Медленно пережевывая овес в унылом заточении, лошади сами знали, что над ними не висит тяжелое обвинение в государственной измене, уголовных проделках или даже в простом хулиганстве на узких вязниковских улицах. Умные животные догадывались, что они пали временной жертвой в бурной схватке Вязниковского горсовета с его хитрым и стойким врагом—местным конным двором.

Если вам нужно знать точно топографию местности, где происходили бои, можем дать ее в общих чертах: идите прямо, сверните направо и сразу наткнетесь на здание горсовета, если же пойдете немного влево, кривым переулком, — там буйным станом и раскинулся конный двор. Территорию между ними, вклинившись лихим авангардом, занимала вязниковская милиция. Она регулировала ультиматумы, подытоживала победы и поражения и выступала в качестве парламента.

Бой начал горсовет, предложив конному двору очистить занимаемую им среднегородскую низменность и выбить в неизвестном направлении. Вопреки ожиданиям, конный двор белого флага не вывесил.

— Помилуйте, товарищи,—ответил осажденный штаб конного двора,—куда же мы выедем, если вы нам не дадите свободного помещения? Не можем же мы с лошадьми переехать в гостиницу.

В горсовете немного призадумались. Действительно, положение получалось несколько скользкое. Лошади работали для пригородного хозяйства. Лошади не могли проводить ночи у знакомых или гулять по тенистым аллеям городского сада.

Но самолюбие было дороже лошадиного покоя.

— Хорошо. Найдем место. Только вы сначала уходите.

— Нет. Сначала найдите место, а потом мы уйдем.

Бой возобновился с новой силой. Конный двор опечатали четырьмя большими печатями. Лошадей взяли под навес. Упрямые враги с конного двора днем попережнему посылали лошадей на работу, а вечером ставили их под навес. В Вязниковском горсовете наступили хмурые дни.

— Ходят?—шептались горсоветчики.

— Ходят.

— Лошади?

— Лошади.

— Надо кончать это дело. Одним напором. Или мы или лошади.

Тогда в одно туманное утро около навеса с лошадьми появился инспектор милиции. Будучи человеком мягким по натуре, он похлопал ближайшую лошадь по крутой шее, вздохнул, но взял себя в руки и сурово сказал молчаливым представителям конского поголовья:

— Объявляю вас арестованными. Кушайте овес и ждите распоряжения от горсовета и милиции.

Лошади улыбнулись и продолжали жевать овес. Но на работу уже не пошли. Пригородные огородники, которым они привозили удобрения, забеспокоились. Пошли в горсовет.

— Мы что,—конфузливо ответили в горсовете,— разве мы—за? Мы, наоборот,—против. Это все милиция. Арестовала лошадей и все. Сами понимаете,—безвыходное положение.

В Вязниках началась паника. Боясь за домашних животных и птичье поголовье, горожане прятали кур и собак. В милиции спрашивались у штатных юрисконсультов можно ли освобождать лошадей без запроса в центре. Лошадная Bastilia угрожала пасть под напором фрондировавших огородников. Вязники становились ареной крупнейших событий. Их разрешил инспектор милиции Козлов. Разрешил исторической фразой, произнесенной мягким баритоном:

— Арестованных лошадей освободить!

Так началась и закончилась вязниковская конная эпопея. Мораль откладываем до другого раза. Не надо ее, этой морали. Пусть ее заменит соответствующий судебный приговор.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ АНЕКДОТЫ

БЕДНЫЙ ВСАДНИК

Рис. Бор. Ефимова

Брауншвейгский суд в один из недавних многочисленных обвинительных приговоров включил постановления о том, что „ВСЯЧЕСКИ ДОЛЖНЫ ПОДДЕРЖИВАТЬСЯ БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ АНЕКДОТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ К ПРОСЛАВЛЕНИЮ СУЩЕСТВУЮЩЕГО СТРОЯ“.

Так как население третьей империи, повидному, само не очень склонно придумывать такие анекдоты, приходим ему на помощь и снабжаем каждый сообщаемый нами факт специальным благонамеренным анекдотом по этому же поводу.

ОСТРОУМНЫЙ ОТВЕТ

Журналист Велк отправлен в концлагерь за статью в «Ди Грюне Пост», которая называлась: „Прошу слова, господин министр“.

Благонамеренный анекдот по этому поводу будет такой.

К одному вежливому и умному министру пришел невежливый журналист и сказал:

— Прошу слова, господин министр.

— Получайте два: вы арестованы, — тонко и остроумно заметил министр.

Пораженный находчивостью своего собеседника, неосторожный журналист задумчиво поехал в концлагерь. Так остроумие правителей спасает их от лишней просьбы, а страну — от печати.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ НАХОДЧИВОСТЬ

«Берлинер Тагеблатт» в статье о внутреннем экономическом положении пишет:

„Действительность такова, что надо бить тревогу“.

После этого заявления благонамеренный анекдот должен прозвучать так.

Один робкий коммерсант подошел к полицейскому комиссару и почтительно спросил его:

— Действительно ли, господин комиссар, надо бить тревогу?

— Не знаю, — четко ответил комиссар, — может, ее и надо бить. Пока что на моем участке я бью только арестованных.

Коммерсант внутренним голосом сказал робкое ха-ха, успокоился насчет будущего, посидел у себя в конторе и разорился. Так четкая политика власти умело регулирует коммерческую жизнь страны.

РАЗУМНОЕ ДИТЯ

Профессор Банке опубликовал в «Нейе Тагебух» новую педагогическую теорию, в силу которой во время

прогулок школьников всякий пейзаж должен рассматриваться только с военной точки зрения.

Благонамеренный анекдот на эту тему прозвучит так.

Однажды учитель Ганс Шпанц проводил школьников по гористой местности.

— Как вам нравится это ущелье, дети? — спросил он чисто педагогическим голосом.

— Очень, — бойко ответил самый умный школьник, — в нем высшее командование в любой момент может спрятаться от армии.

Этот ответ ясно показывает, что умело подготовленные дети уже заранее приучаются к возможным неожиданностям в будущей войне.

ВЫГОДНАЯ РУБАШКА

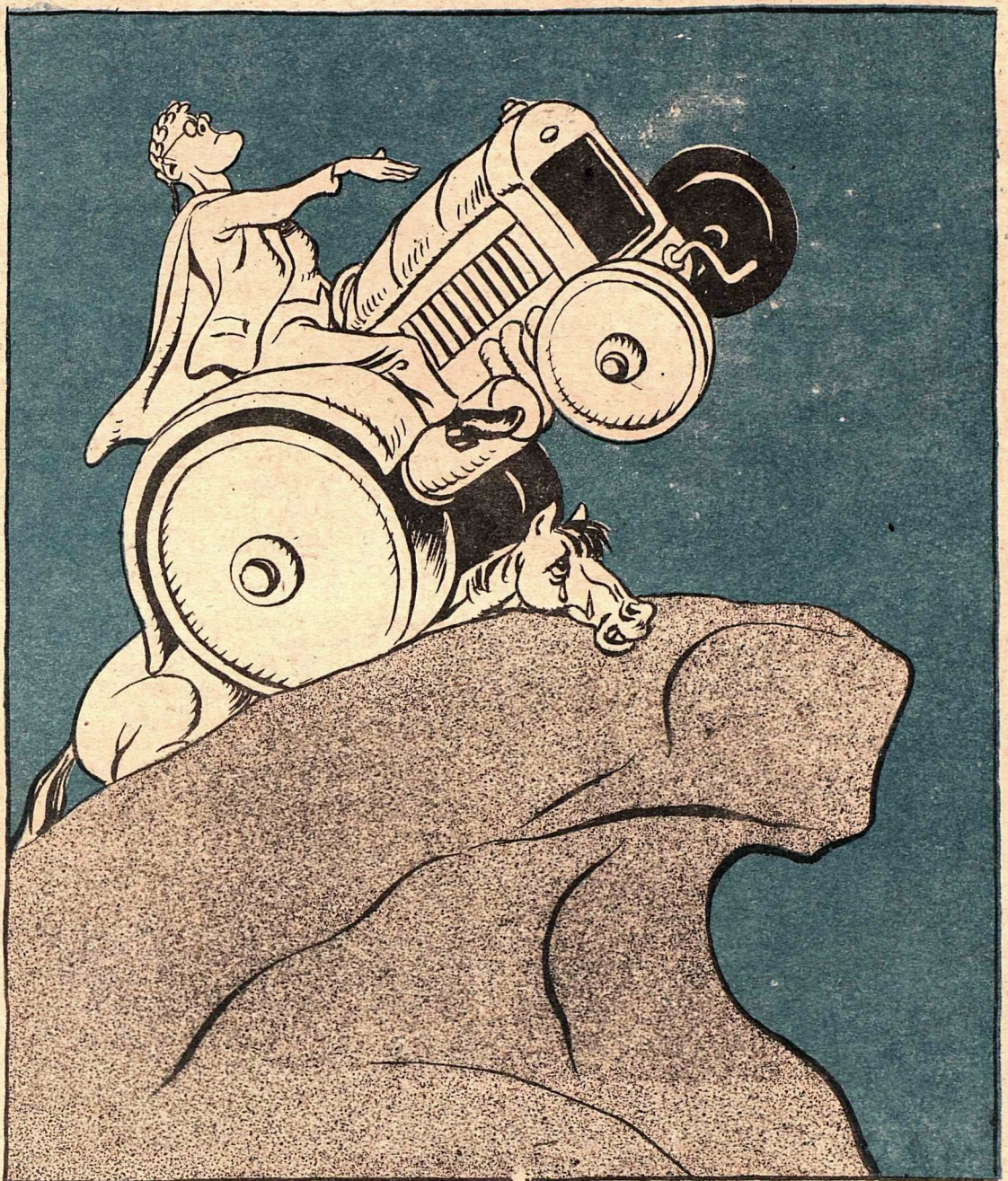
По сведениям английских газет, немецкие текстильные фабрики

преимущественно выпускают только коричневые ткани и, главным образом, коричневые рубашки.

Тут благонамеренный анекдот напрашивается сам собою.

Одному нехорошему рабочему предложили в магазине коричневую рубашку.

— А мне не хочется, — неожиданно сказал рабочий. — Дайте другую.

Бор. Ефимов - 34.

Проект памятника Голендо из Наркомзема — автору памятной теории о полном исчезновении лошадей к 1935 году.

— Рекомендую именно эту, — настаивал торговец. — Самая экономная.

— Почему?

— Единственная рубашка, которую не снимают с гражданского населения.

Ответ был так остроумен, что арестовали и покупателя и продавца. Это означает, что никаких классовых различий в стране уже не существует, и каждый гражданин равен перед лицом закона.

ИЗЛИШНЯЯ БОЛТЛИВОСТЬ

Наиболее темпераментный фашистский орган «Фолькшпе Беобахтер» заявил на днях:

„Чем меньше население будет говорить вслух о политике, тем спокойнее будет в стране“.

Благонамеренный анекдот по этому поводу краток и выразителен.

Не так давно одного доктора стали бить на улице.

— Караул, убивают! — закричал доктор.

— Прошу не говорить вслух о политике, — сделал ему замечание шутман.

Это доказывает, что люди свободных профессий очень разговорчивы и не сразу могут понять смысла внутренней политики.

Каждый из приводимых нами благонамеренных анекдотов может рассказываться как в семейном кругу, так и на пути в концлагерь. Смысл и значение их от этого не меняются.

АРН. БУХОВ

ИСПОЛНЯЮЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ ГОВОРЯЩИХ БАРЖЕЙ

В № 11 „Крокодила“ мы обидели тов. Л. Гробера, редактора газеты „За большевистские колхозы“. В подборке газетных заголовков, названной нами „Бить тех, которые“, мы приписали газете „За большевистские колхозы“ заголовок „Баржи заговорили“.

Верно — авторство насчет говорящих баржей принадлежит другой газете. Но поскольку мы уже заговорили о редакции „За большевистские колхозы“, приводим попутно небольшую коллекцию заголовков, бесспорно и неотъемлемо принадлежащих ей.

„Ловят рыбку в мутном молоке“ (27/IV)

„Входите, входите, а я ужожу“ (14/IV)

„Пынище и ночь ниночем“ (3/IV)

„Твердит, как ФОНОГРАФ: денег нет“ (5/V)

„Испортил рваческие аппетиты“ (3/V).

Какой из этих заголовков лучше „говорящих баржей“ и который хуже, предоставляем судить как т. Гроберу, так и нашим читателям.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Товарищи читатели! Этот новый отдел в журнале — ваш отдел. Я писать в нем не буду. Пишите сами. Шлите ваши письма и сообщения обо всех интересных фактах, достойных широкого опубликования. Все это найдет место в отделе писем Крокодила. Но имейте в виду:

Первое — писать надо кратко и занимательно. Главное — покороче. Никто из вас не Гоголь, да и Гоголя в редакциях сокращали. Второе — сообщайте только точные проверенные факты, по возможности подтвержденные документами. Сообщайте редакции также, кто вы такой и чем дышите (анкет можно не заполнять). Помните, что Крокодил читают не только в вашем городе, на вашем заводе или колхозе, а во всем Союзе. Не надо кончать литературный вуз для того, чтобы писать в Крокодил. Но вам нужно следить за нашим журналом. И так, я жду от почтальона ваших писем. Кланяйтесь вашим.

Дорогой Крокодил!

Не в том беда, что люди едят верблюдов. Плохо то, как их едят в некоторых местах. У нас, например, в Ашхабаде, делают это так охотно, что за один 1933 год, как теперь обнаружилось, ухитрились забить на мясо для столовых 3.000 верблюдов. Интересно отметить, что милиция, которая должна была бы за этим следить, сама спокойно кушала в своей столовой незаконную верблюжатину.

Пожалуйста кому следует, дорогой Крокодил. Ведь верблюды же не могут жаловаться сами. Тем более уже с'еденные.

Е. АЙЗЕНДЕ.

Ашхабад

Дорогой Крокодил!

Не будучи знаком с теориями хозяйственного использования вулканических извержений, я очень хотел бы получить от Крокодила ответ: есть ли смысл строить конский завод именно на застывшей лаве.

Повидимому, у гг. Сарафьяна и Дурьяна, построивших Айгерлический конзавод (Армения) на потухшем вулкане, есть свои соображения по этому поводу. Но я этих соображений не знаю. Не знали этих соображений и лошади, которые уже впоследствии убедились, что вулкан — очень плохая кормовая база. На нем не выросло ни одной хотя бы показательной травинки. Пришлось покупать фураж на стороне и еще с применением такой жуткой экономии, что лошади закончили зимовку в скелетообразном состоянии.

По сей день идет спор о том, надо ли оставлять конзавод на том же месте или

перенести его на другое. Будь добр, дорогой Крокодил, и выскажи свое мнение по этому поводу. Гг. Сарафьяну и Дурьяну ничего, но ведь лошадей жалко!

АШОТ ГЕВОРКЯН.

Эривань

Дорогой Крокодил!

Я знаю, что для носки кирпичей и подметания двора требуются известные навыки, но нужно ли для этого специальное образование? Ты, конечно, скажешь что не надо, а между тем 370 человек фабзавучников, окончивших ФЗУ Днепропетровского коксохимического завода, разосланы по разным заводам Запорожья, на которых они носят кирпичи, подметают дворы и тоскливо ожидают, когда же их используют по специальности. Спроси, пожалуйста, у кого-нибудь в Москве, отсылаются ли медвузовцы на строительные работы, а педвузовцы — на водолазные, или такая рассылка является только привилегией коксохимического завода?

Б. ВОРОНОВ.

Днепропетровск

Дорогой Крокодил!

Я читал, что кожаную подметку можно заменить резиновой. Киргич — опилками. Стекло — бумагой. Мне это очень нравится. Значит, наука шагнула вперед. Но у нас в поселке «Горячий ключ» наука не только шагает вперед, а прямо бежит рысью, и в местной больнице уже заменили коровье масло касторовым. Больные гриппом кушают котлеты на касторке. Выздоровляющие закусывают инициелями с

подливкой из касторки. Что это такое: сложное разрешение жировой проблемы или простая глупость?

А. КРЕСТИЛОВСКИЙ.

Дорогой Крокодил!

Крокодил любит любопытные документы из области чиновничьих резолюций. Могу с ним поделиться следующим документом. Райотдел связи в Олонецке выдал гр. Коссову справку о том, что он «увольняется в порядке освежения аппарата».

Не находите ли вы, что термин «освежить» больше подходит для парикмахерской, чем для аппарата, тем более, что в парикмахерских освежают, обычно, голову, а в Олонецком райотделе связи насчет головы, повидимому, большая недохватка.

П. СЧЕТОВ.

Олонецк

Дорогой Крокодил!

У вас в центре литературы обсуждают вопрос о том, как писать и что писать, а мы, граждане Киргиз-маякского района, приходим в Аксеновское почтовое отделение и мучаемся: на чем писать и чем писать? В почтовом отделении нет ни чернил, ни ручек, ни конвертов, ни бумаги, ни карандашей. Есть только один заведующий, который на все отвечает: «Нет». Говорят, что египтяне писали когда-то на камне. Нельзя ли и нас перевести на клинопись? Или это еще трудней, чем завести чернила, бумагу и конверты?

П. ДАВИДОВ.

ГОСПОДЬ БОГ, ТЕЛЕНОК И СВАСТИКА

(Очередное чудо третьей империи)

EIN ZEICHEN DER ZEIT
ALS NATURWUNDER!
geb. 22.10.33 zu Wristin Holstein
beim Landmann Max Granzow

население не приняло его за обыкновенного нормального теленка, на открытке официально указывается, что воспроизводимый на открытке теленок является знаменем времени, чудом природы и именно в качестве такового и родился в Гольштейне у крестьянина Макса Гранцов 22/X—1933 г.

В виду вкоренившейся традиции населения не вполне доверять некоторым из фашистских чудес, на оборотной стороне открытки официально удостоверяется с собственноручной подписью и с приложением казенной печати,

Das umstehend gezeigte Tier ist
mit dem "Hakenkreuz"
auf der Stirn zur Welt gekommen.
Dieses bescheinigt
Stellau bei Wrist, den 5. Januar 1934

Plattjen
Amtsvorsteher

что «помеченное на обороте животное действительно явилось на свет со свастикой на лбу».

Несколько ниже гамбургское издательство предупреждает, что перепечатка открытки воспрещается. Редакция Крокодила открыто идет на правонарушение и перепечатывает открытку для популяризации последних достижений фашистского животноводства.

6 В редакцию Крокодила доставлена приводимая выше открытка, выпущенная на днях гамбургским фашистским издательством. На открытке изображен теленок, через которого добрый арийский бог являет свое особое благоволение фашизму: теленок родился со знаком свастики на лбу. Чтобы

Рис. А. Топкиова

— Хорошее молоко у твоей мамы?
— Не знаю, не пробовала, спроси об этом у заведующего молочной фермой.

ДИРЕКТОР ИМЕЕТ ХОЖДЕНИЕ

Течет Сыр-Дарья. Круглые сутки течет. День-деньской и уже сколько лет омывает берега.

А между тем в это время на ее берегах происходят большой важности события. И мы готовы держать пари, что ленивая и нелюбопытная Сыр-Дарья абсолютно не информирована обо всем этом.

Оставим поэтому величавую и многоводную реку и без лишних проволочек перейдем к руководителю Узбекского скотоводтреста товарищу Васильеву.

Не будем касаться всей возможно полезной и многогранной деятельности Васильева. Коротко остановимся лишь на одном литературном документе, вышедшем из-под пера руководителя скотоводтреста.

Речь идет о телеграмме. Точнее—о телеграмме Васильева, присланной недавно в Москву, в Наркомат совхозов.

В этой телеграмме он взволнованно информирует наркомат о странном способе передвижения директора Сыр-дарьинского мясосовхоза Отрощенко.

Оказывается, Отрощенко вынужден был прибегать к такому способу передвижения, о котором необходимо в самом срочном порядке известить Москву для принятия мер.

В этом мы сейчас убедимся, прочтя телеграмму Васильева:

«Отсутствие транспорта директор мясосовхоза ходит пешком тчк проим занарядить совхозу автомашину тчк подробно почтой Васильев». Подробно почтой. Не будем мешать Васильеву. Пусть пишет.

А мы с вами воспользуемся этим временем, чтобы прочесть еще одно послание в Наркомат совхозов.

Из этого послания мы легко заключаем, что не один Отрощенко имеет пешее хождение. Что такая же горькая участь постигла и директора совхоза «Инкилоб», также подведомственного Васильеву.

Директор совхоза «Инкилоб» тов. Пичко в письме, полном упреков по адресу нечуткого наркомата, пишет, что если дальше так пойдет, то невозможно заниматься.

Пичко требует, чтоб ему немедленно, обратной почтой, выслали две грузовые и одну легковую машины.

Потому что:

«Мы имеем дело со скотом местной породы, который требует изучения, исследования крови»...

Но не только для этого нужен Пичко автотранспорт.

«Без быстрого передвижения мы воспроизводим свое поголовье вслепую»,—пишет Пичко.

Оказывается, коровы аккуратно телятся только тогда, когда директор ездит на машине большой скоростью. В противном случае они, коровы, обречены на печальное одиночество и безрадостную яловость. Вообще вся работа тогда протекает «вслепую»...

Со стороны можно подумать, что мы придираемся. Действительно, почему директору совхоза не иметь машины?

Но с другой стороны, если на данном отрезке времени нет машины, почему директор ходит пешком? Почему он не раз'езжает на лошади?

Лошадей нет. Были. Погибли.

В Сыр-дарьинском совхозе у директора Отрощенко было 60 лошадей. Пало, прирезано, похищено—45. Остальные доведены до такого состояния, что способны передвигаться только при помощи живой людской силы.

Таковыми же показателями по «воспроизводству поголовья» может похвастать и Пичко.

Всего этого не заметил товарищ Васильев, руководитель Узбекского совхозтреста. Не заметил он того, что подчиненные ему директора систематически и упорно требуют автомобилей.

Добросердечный Васильев заметил только один факт, который сильно огорчил его:

Директора ходят пешком.

Ходят бедняги. Очень жалко. Не пора ли им после такого долгого хождения маленько отдохнуть? Надо пойти им навстречу и дать им возможность посидеть...
Г. РЫКЛИН

Житель села Лебяжий остров Никита Михейкин, беспартийный, несудимый, десяти лет, свел крепкую дружбу с народонаселением колхозной птичьей фермы.

Освободившись от школьных дел, Никита Михейкин приходил на ферму и в поте лица своего трудился до вечера. Бескорыстно и с энтузиазмом выполнял он поручения старшей птичницы Савельевны—женщины сурой, сонливой и склонной к философским размышлениям.

Никита кормил белых, как молодой снег, лехгорнов, наливал воду для японских гусей—надменных, горластых и стройных, как лебеди. Это доставляло ему большое удовольствие.

Но больше всего нравился Никите на птичьем дворе петушок по имени «Разбойник» — птица алой масти, похожая на шаровую молнию с хвостом.

«Разбойник» сначала недоверчиво косился на мальчика круглым золотым глазом, а потом привык, привязался к Никите и ходил за ним по двору, словно собачка. Когда Никита садился отдохнуть от трудов праведных в тени старой ветвистой липы, петушок вспархивал к мальчику на плечо и чинно сидел там, надменно поглядывая на собратьев по перу.

Савельевна смеялась.

— Тебе, Никитка, хоть в цирке с ним выступать. До чего рассудительная птица!

Так и текла веселая трудовая Никиткина жизнь. Но нет на свете вечного счастья. Как-то Никита не пришел, как всегда, на птичий двор. Савельевна не придала этому особенного значения. Когда Никита не пришел и на следующий день, она удивилась. Через три дня птичница решила, что Никита простыл и заболел. А на пятый день Никита появился на птичьем дворе, мрачный, хмурый и странно молчаливый.

— Где ж это ты, Никитушка, пропадаешь? — спросила Савельевна.

«Разбойник» подбежал к мальчику, захлопала крыльями, прокричал во все горло боевой петушинный привет.

Никита хотел было улыбнуться

ему, но вдруг махнул рукой, сел под липу на гусиную колоду и заплакал. Плакал он долго. Савельевна вежливо ожидала, когда он кончит. Потом сказала:

— Большой мужик, женить скоро, а реवेशь. Что у тебя там такое приключилось?

— На черную! — сказал Никита, глотая слезы.—На доску. Меня. В школе. Занесли!..

Савельевна тихо ахнула.

— На черную доску! Что же ты такого наделал, Никитушка? Неужто стекло разбил?

Никита скорбно покачал головой.

— Нет, не стекло. Я животноводство не ответил. И птицеводство тоже не ответил. По обществуведению. Учитель у нас, язва, больно трудный. Гляди, какие вопросы задает.

Он вытащил из кармана штанов тетрадь, свернутую в трубочку и, запынаясь, прочел птичнице:

— Какие фак-то-ры обус-ловили болез-ненные про-про-цессы в развитии животноводства в его ре-ор-гани-за-ционный период?

— Расскажите про эконо-ми-ческое значение птицеводства как дополни-тельной статьи мясного ба-ба-баланса страны?

Прочитав вопросы, десятилетний Никита снова всхлинул.

— Отвечать, язва, наизусть требует!

Савельевна посмотрела на мальчика с сожалением.

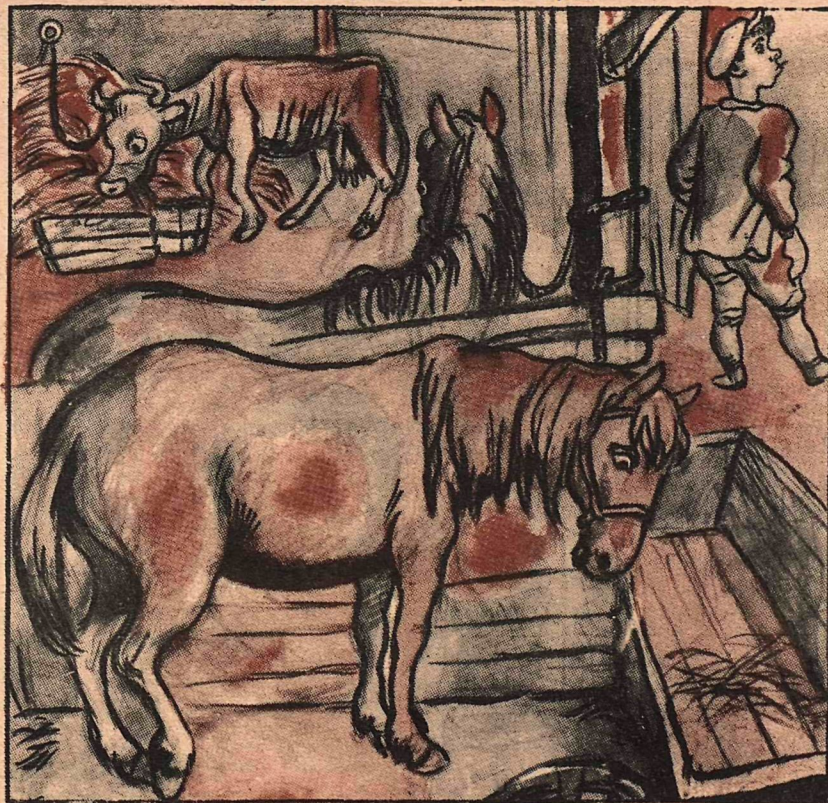
— Баланс!—сказала она почтительно.—Ишь, ведь, какое слово! Ты, Никита, однако, не горюй. Завтра, от силы послезавтра, из района придет Герасим Степанович, наш зоотехник. Он человек ученый, всю птичью науку превзошел. Давай твою тетрадь сюда, я его попрошу, он тебе все ответы в тетрадь спишет, а ты их выучишь потом. Ну, утри слезы-то, птицевод! Идем гусей кормить.

Никита отдал птичнице тетрадь с трудными вопросами, вытер слезы и пошел с птичницей к гусям. Следом за ними двинулся «Разбойник», задиристо подняв голову и выпятив грудь, словно молодой боксер.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ВЕРНЫЙ ПРИЗНАК

В некоторых хозяйствах больным лошадям дают уменьшенное количество корма.

— Судя по этой порции, мне сегодня должно быть нездоровится... 7

...потому что нас выкормили и выхолили: свинарь-ударник колхоза „Красный Каменец“ (Башкирия) ВАСЯ Сидоренко; свиначка-ударница совхоза „Устье“ (Белоруссия) Пелагея Иванова; свинарша-ударница совхоза „Сиваволово“ (Башкирия) Сиваволова и техник-животновод колхоза Мишино (Ежатский район) А. К. Косов.

Примечание поросенка-барабанщика: портреты надо смотреть слева направо.

ЗООСПРАВОЧНИК

поясняющий некоторые непонятные слова, попавшие в этот номер „Крокодила“

Агнец — жертвенный ягненок. Чаще всего приносится в жертву бесхозяйственности.

Бизон — дикий бык. Встречается в переводных романах и на конференциях по разоружению. В голодном виде опасен. В сытом — тоже.

Вьюн — рыба. Может быть использована для составления отчетов, но только один раз. На штатной должности долго не удерживается.

Гад — пресмыкающееся, из семейства приспособляющихся.

Гидра — животное, предназначенное для поднимания головы. Питается отсутствием бдительности. В прошлом бывший полицейский пристав.

Дятел — птица, известная производимым ею шумом. Может быть использована для писания кампанейских стихов как под фамилией, так и под псевдонимами.

Еж — существо, заменяющее в животном мире мосдревскую мебель: мало пригодно для сиденья.

Жеребенок — молодая лошадь, требующая ухода. Особенно ухода тех, кто о ней не заботится.

Зебра — лошадь в полоску. Служит моделью для раскраски брючной материи.

Корова — домашнее животное. В диком состоянии не бывает. В запущенном часто. (См. Брэма «Жизнь животных» и последние номера газет).

Козел — патентованный источник молока в колхозных романах.

Кролик — животное, которое уже давно идет в пищу, но до сих пор притти не может.

Лев — зверь, живущий в пустынях и на английском гербе. И там и здесь пугает колониальное население.

Ласка — зверь. Любимый герой эстрадных романсов. Например: «Под чарующей лаской твоею», «Дай мне ласку твою, дорогая» и т. д.

Мягкая — рыба. Встречается испуганными потребителями в консервных банках под этикеткой: «Копченый язык».

Нильский крокодил — будущий сатирический журнал в Египте.

Опосум — редкий зверек, отличающийся чрезвычайно тупым взглядом. В этом отношении напоминает авторов недавней теории о бесполезности лошади в сельском хозяйстве.

Павлин — птица, популярная своим хвостом. Неперестроившийся завмаг.

Рыба-меч — священная рыба милитаристов.

Судак — курорт. В качестве рыбы попадает на транспорте в вагонах холодильниках, застрявших на две недели в тупике.

Теленок — ориентировочная наметка взрослой коровы. Вырастая быком, путает статистические наметки.

Тетерев — дикая птица. В столовках выдает себя за куропатку.

Уж — змея, заменяющая поэтам недостающие слога в строчках.

Улита — подсобный транспорт Наркомсвязи.

Филин — птица, у которой весь день закрыты глаза. Очень неподходящая для контроля над животноводством.

Хамелеон — пресмыкающееся, произвольно меняющее окраску. Ситец. Костюм от Москвошвеев.

Черепаха — псевдоним невыполнения.

Шакал — шакал. Ничего о нем другого не скажешь.

Шмель — прибор для жужжания. Незаменяемый для докладчиков по животноводству, не имеющих точных цифр.

МИРОВ; конюх-ударница колхоза им. Сталина, Темрюкского района, Северного Кавказа М. В. БАРАНЦЕВИЧ; доярка-ударница УЦКАЛЕВА, награжденная орденом Ленина; гуртоправ-ударник совхоза „Атынь-Эмель“ (Казакстан) ТУРГУРЮКОВ; гурто-ПАРФЕНОВА, премированная Наркомземом за прекрасную организацию племенной работы в районе.

РАЙ ЛОРДЫ

Два раза в году собираются престарелые лорды, раскрывают геральдическую книгу родовой аристократии и подозрительным взглядом скользят по спискам виконтов, баронов, баронетов и маркизов. И качают седыми головами старые лорды, наткнувшись на фамилию неосторожного виконта, успевшего жениться на пригородной мещанке.

— Позор, позор, — шепчут побелевшими губами старые лорды. — Ах, виконт, виконт, что вы сделали с аристократическим обществом?.. Опозорили вы его своими пригородными курносими наследниками..

И плохо приходится виконту и его наследникам. Его выкидывают из геральдической книги. Не подобает курносому носам вдыхать аристократический воздух.

Но даже и престарелые лорды знают меру своему благородному негодованию. Даже и они не пишут против фамилии опростовосившегося виконта:

«Принимая во внимание курносость наследников, зажарить их и съесть под луковым соусом».

Как это ни обидно, но приходится отдать должное сдержанности хранителей геральдической книги. Тем более, что некоторые советские работники такой сдержанностью похвалиться не могут.

Нечто вроде упомянутого собрания лордов происходило месяц назад в Горьковском районе. Присутствовали и волновались: зав. фермой совхоза им. Карла Либкнехта — «лорд» Сицко, зоотехник — «виконт» Романенко, ветврач — «баронет» Храмов, солидный «граф» из Райживоб'единения — Королев и, главное, «лорд-хранитель» Госплемкниги Песенкин.

Волнение почтенной компании причинил не кто иной, как бычок «Патрик». Раскрыли Госплемкнигу, где четко и ясно было написано, что

лучших родителей, чем у «Патрика», трудно пожелать даже самому капризному представителю коровьего поголовья.

Папаша — лучший производитель в районе. И фамилия у него древнего происхождения — «Голиаф». Мамаша так и записана в Госплемкниге под № 405 как дающая рекордный годовой удой в 3.300 литров. Казалось бы, ласкать да лелеять отпрыска таких благородных родителей.

Но отпрыск позволил себе совершенно неуправляемую вольность. Он родился с белыми пятнами.

— Позор, позор, — прошептали побелевшими губами благородные «лорды» Горьковского района, — ох, «Патрик», «Патрик», испозорил ты нас своими белыми пятнами..

И дрожащими от негодования руками написали резолюцию:

«Не годится и подлежит сдаче в счет мясозаготовок. Причина браковки: бурая голова, под мечевидным острым белое пятно и под мошонкой белое пятно, в чем и подписуемся».

Племенной бык отдан на шницеля. Погубила бычка бурая головушка.. Но не один он, шокировавший благородных ревнителей племенной гордости белыми пятнами, сошел преждевременно в мясорубку. «Лорд-хранитель» Госплемкниги Песенкин сдал на котлеты и племенного быка «Важного» за не менее антиаристократические колебания: от жертвы рождалось потомство не ярко красного, ласкающего взгляд цвета, а тоже с белыми отметинами.

Быки уже съедены, и районные «лорды» наверное уже подбираются к новым жертвам племенной неосторожности. И пусть не посетуют на нас читатели, что мы об этой истории рассказали в легкомысленном стиле. Там, где следует, с районными «лордами» поговорят в более серьезном тоне.

А. ПИЛКИН

КОНЕК ГОРБУНОК

(В КРОКОДИЛЬЕМ ИЗДАНИИ)

а чернильными
морями,
За бумажными
горами
Серых пухлых,
пыльных дел
Бюрократ-
сморчок сидел.
Словно сласти-
мармелады,

Кушал длинные доклады,
Слушал-кушал, не считал,
Резолюции глотал.
В праву руку взявши ручку,
Ставил подпись-закорючку,
Левой ручкой навесу
Гладил прыщик на носу.

Вот Иван вошел в палату.
Путь-дорогу к Бюрократу
Охраняют сто дверей,
Сто да сто секретарей.
Двести штатных, двести личных,
Двести малых энергичных
Не пускают в кабинет,
Говорят: «Приема нет».
Предлагают хором Ване
Ждать в приемной на диване.
— Извините, как не так, —
Говорит Иван-дурак.
— Не по мне такая штука,
Я не пень-колода. Ну-ка,
Не торчите у дверей!
Выметайтесь поскорей!

Вот Иван плечом поводит,
К Бюрократу смело входит.
Заелозил Бюрократ.
Восклицает: — Как я рад! —
Придвигает Ване кресло:
— Дорогой мой, честь и место!
Изгибается в дугу:
— Извините, чем могу?..
Наш Иван глядит сурово.
Обходенье, вишь ты, ново,
Ловко, что ни говори.
Мед снаружи — хрен внутри!
Говорит он Бюрократу:
— Я пришел к тебе в палату,
Чтоб сказал ты нынче мне
Все, что знаешь о коне.
Каковы у нас лошадки?
В чем недостатки-недостатки?
Ну-ка, вынь да положи,
Да подробней расскажи.
— Это мы единым мигом
Сообщим по нашим книгам
Все до точки в аккурат, —
Отвечает Бюрократ.
Он перстами в кнопки тычет,
Всех людишек штатных кличет.
Вот бегут из ста дверей
Сто да сто секретарей,
Сто лихих стенографисток,
Сто отборных машинисток —
Исполнительный народ —
Бюрократу смотрят в рот.

Бюрократ ногой притопнул,
Ручкой по столу прихлопнул,
Дотказа рот раскрыл,
Затрещал, заговорил:
— Мы прикажем и обяжем,
Все обсудим и увяжем,
Сто анкет страниц в полста
Разошлем во все места.
Донесения получим,

Тут Иван подпрыгнул: — Дудки!
Ждать нельзя мне ни минутки,
А не то что целый год.
Ну, и люди! Ну, народ!
Волокитчики! Чинуши!
Расчернильные вы души!
Бюрократы, шут возьми! —
Вышел, хлопнув ста дверьми.
Крикнул: — Язвы! Ну вас
к праху,
Смачно сплюнул, сел сразмаху
На Конька на Горбунка
И взлетел за облака.

Словно АНТ пятимоторный,
Горбунек летит проворный.
Седока в момент привез

А вредительски кулацкий
Страсть Ивана разозлил,
Он Онянову схватил,
Хоть она во-всю брыкалась,
Извивалась и кусалась,
Посадил к себе в мешок
И поехал на восток.

Вот Иван, утрово натиск,
Прискакал в Семипалатинск,
А оттуда быстро — порск! —
Прямо в Усть-Каменогорск.
Украшением района
На мосту сидит ворона.
Ну, а люди — крепко спят,
Во все заверты храпят.
Храп из рика раздается,
Из райзо храпеж несется,
Спят нарсуд и прокурор,
Хоть бы кто глаза протер!
Сонным рохлям очень рады
Угонялы-конокрады.
К удивлению людей
Крадут по сто лошадей.
Кулаки, на то похоже,
В тех местах не дремлют тоже.
Нет дозора? Всем владей!
Режь, как куриц, лошадей

А летает день-деньской
По причине вот какой:
Только лишь настанет утро,
Завкрайзу и начКонупра,
Не умывшись, не поев,
За столы свои присев,
Пишут каждый час друг-другу,
Так что дым на всю округу!
Спорят, кто из них к весне
Должен думать о коне.
НачКонупра с благодарством
Пишет: «Лишь воспроизводством
Занимается Конупр!»
И довольный щелет пуп.
Завкрайзу строчит приказы
О созданы конской базы,
Но пока дойдет до баз,
Отменяет свой приказ.
Говорит Иван: — Без риску
Прекращу их переписку.
НачКонупра с завкрайзу
Я с собой в Москву свезу.

На Конька уселся снова
И спустился близ Ростова
На-Дону. Конек привез
В Шеболдаевский колхоз.
Смотрит: лошади-красотки
Прямо чахнут от чесотки,
А ветфельдшер-лиходей,
Смазав этих лошадей,
Мажет, — ну и человечки! —
Той же мазью от «засечки».
Тут Иван за тот грешок
Сунул лекаря в мешок.
— Хоть полна «товаром» тара,
Довежу ветеринара!
Славный выдался денек.
Ну-ка, дуй в Москву, Конек!

Прямо в Юркинский колхоз¹
В том колхозе, ой, порядки!
Ходят грустными лошадки.
Ну, и сивки! Ну, и вид!
Что ни лошадь — инвалид.
От колхозного народа
За конями нет ухода.
А колхозница одна
Впрямь не баба — сатана.
Нет Оняновой дурее.
Чтобы лошадь шла скорее
(Хоть она валилась с ног,
Даже кнут ей не помог),
Поступила тетка просто:
Взяв горящую бересту,
Без стыда, средь бела дня,
Ну совать под хвост коня.
Этот способ не дурацкий,

¹ Пермского района, Свердловской области.

И по мере сил-здоровья
Снизь-ка цифру поголовья,
Дух кулацкий веселя,
С пятизначной до нуля.

Сунув в торбу шляп районных,
Вестолковых, пухлых, сонных,
Повернул Иван назад
И приехал в Сталинград.
Смотрит: прут во все карьеры
Из конца в конец курьеры,
Пролетают взад-вперед
И сбивают с ног народ.
— Объясните толком, братцы, —
Ваня просит сталинградцев, —
— Что за люди-бегуны?
Ошалели или пьяны?
Отвечают старожилы:
— Это, братец, люд служилый.

Вот стоит домина важный,
Весь зеркальный, стоежанный.
Отовсюду видно всем —
В этом доме Наркомзем.
На крыльце стоит Буденный,
Орденами награжденный.
А на площади подряд
Три котла уже кипят.
Горбунку ушами машет,
Под Иваном польку пляшет.
Вот из Ваниных мешков
Вынимают кулаков,
Вынимают шляп районных
И чинуют неугомонных,
Вынимают тех людей,
Что калечат лошадей.
Просят всех, как говорится,
Без чинов перевариться,
За хорошие дела
Окунуться в три котла.

Эту был и сказку-складку
Я кончаю. Для порядка,
Дотянув рассказа нить,
Надо Ваню оженить.
Ну, невест в Москве не мало,
Коль за ними дело стало.
Я красотку подрядил.

И хний папа — Крокодил.
Зверь, товарищи, известный,
По характеру чудесный,
Лучше зверя в мире нет.
Прилагаю их портрет.
Справа — папа, слева — дочка.
И на этом, братцы, точка!

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ЗАКОН ГРАНИЦ

Скрип повозок, гуденье тракторов, визг поросят, хрюканье и мычанье—разноголосые шумы и стоны стояли над степной дорогой, скрытой от глаз густыми клубами пыли. Обоз двигался на юг в направлении Тамбова, вызывая в памяти незабываемые эпизоды гражданской войны. Так беспорядочно отступают, когда противник глубоким обходным движением забрался в тыл и с оккупированной им территории спешат увести, вывезти, угнать все, что представляет какую-либо ценность.

Совхоз опустел. Случайно уцелевшая вывеска на воротах была неуместна, как билет на поезд, потерпевший крушение. По вывеске можно было заключить, что здесь только что имел место свиноводческий совхоз системы Наркомсовхозов «Соревнование». Нервно ломая руки, ходил от распаханых настежь свинарников к настежь распаханым воротам директор совхоза товарищ Степанов. Подобно капитану тонущего корабля, он не покинул свое хозяйство в минуту опасности и готов был встретить неприятеля лицом к лицу. Или, может, он не представлял для отступающих большой ценности, и они бросили его в разоренном хозяйстве, как вышедшую из моды и негодную к употреблению шляпу. Так или иначе, директор оживлял мертвенный пейзаж. Он ходил, как мы отметили, ломая руки, и проклинал суровые законы границ, блюды чистоты и неприкосновенности коих, трест поступился расцветшим было на данном степном участке свиноводством.

Директор переживал. Напрасно ветеринарный фельдшер, один из немногих специалистов животноводческого цеха, не сбежавших из «Соревнования», скептик и философ, бубнил, шевеля усами, о бренности всего существующего! Вотще зоотехник доказывал Степанову, что могло быть и хуже: будь — сохрани и помилуй наркомат! — будь т. Зайчиков, директор Тамбовского свиноводческого треста, более сведущим и последовательным тактиком и стратегом, он бы и колодцы отравил и мосты взорвал... Директор был неутешен. Клубы пыли, скрывавшие от затуманенного его зора движение обоза, растаяли. Степная дорога опустела. Порыв весеннего ветра донес откуда-то издали слабое прощальное хрюканье свиньи...

И вдруг хрюканье повторилось. Еще и еще. Громче, сочнее и ближе. Оно нарастало, усаждая слух зачарованных совхозников. Из ворот ближайшего свинарника вышла огромная свинья, чешула заспанного боком о корыто и, как ни в чем не бывало, улегалась в грязь. Директор, фельдшер и техник кинулись к ней со всех ног...

Может, они поклялись над тушей свиньи хранишь ее, как зеницу ока. Может, и заплакали на радостях. Мы не знаем. Не в том суть. Совхоз существовал! Пусть это была всего одна свинья, забытая в спешке т. Зайчиковым, который руководил отступлением! Но она была тут, рядом, в то время как сотни ее недавних подруг были уже далеко за границей области, — и на ней, на этой единственной, должны быть сосредоточены заботы и внимание растерявшихся было руководителей совхоза, который вновь приобретал право на звание свиноводческого!

И свинья зажила не плохо. Не боясь показаться банальными, скажем, что жизнь ее превратилась в сплошное триумфальное шествие. В этой раздобывшей, лоснящейся Марье Ивановне невозможно было узнать прежнюю грязную Машку. Пробуждаясь и отходя ко сну, она видела над собой заботливо склоненные головы зоотехников, фельдшеров и свинарок. Ее наперебой кормили бураками, отпаивали молоком и мучной болтушкой. Это для нее ходили фордзоны, запахивая 860 гектаров ярового клена. Это о ней писали, стуча на ундервудах, конторские машинистки. И это заботясь о продлении ее рода, в совхоз привезли однажды отменного хряка-иоркшира. И, благодарная, она принесла директору накануне 1 мая десять поросят.

Но директор был легковверен. Радуюсь богатому приплоду, проводя дни в подсчетах возможного к концу второй пятилетки поголовья, если новорожденные, подростки, будут плодиться и размножаться в возрастающей прогрессии, взятыми Марьей Ивановной темпами; рисуя по вечерам на производственных совещаниях радужные перспективы («рано или поздно «Соревнование» сможет стать гигантской фабрикой свиного мяса...»), он упускал из вида стоимость содержания большого и сложного совхозного аппарата, которая ложилась бременем тяжелых накладных расходов на одну свинью, и забывал о суровых законах границы и о товарище Зайчикове, который вскоре напомнил о своем существовании...

Тут мы вынуждены вернуться, так сказать, к истокам истории, к причинам, вызвавшим описанное вначале беспорядочное отступление, которое, в свою очередь, обусловило одичание совхоза «Соревнование», сохранившего лишь благодаря случайности свой свиноводческий уклон в лице уже известной нам счастливой матери десяти поросят.

«Соревнование» было цветущим хозяйством на севере ЦЧО до той поры, пока часть территории области, на которой оно расположено, не прирезали Ефремовскому району, соседней Московской области. Зайчиков, директор Тамбовского свиноводческого треста, будучи твердым администратором и человеком по-своему хозяйственным, тотчас распорядился перебросить из «Соревнования» во внутренние совхозы всю движимость и в первую голову свиней, — не доставать же им чужой области! Что и было сделано. Правда, совхоз остался подчиненным Тамбовскому тресту. Но что вы ни говорите, был он все же за границами ЦЧО. А законы границ, даже областных, сложны и суровы. Поэтому Зайчиков перед самым весенним севом распорядился вывезти из «Соревнования» и все тракторы. Это был второй удар в спину совхоза, — тем более сокрушительный, что был он неожиданно нанесен совхозу директором совхозного треста.

Совхоз перестал пахать и сеять. Совхоз стал писать. Писать пошел район. Степанов толкнулся в Ефремовский райком партии. Райком адресовался к начальнику Главного свиноводческого управления Наркомсовхозов т. Харламову. Харламов нажал на Зайчикова. Зайчиков, скрепя сердце, вернул совхозу один из отобранных тракторов. Но трактору нужно горючее, а для сева нужны семена. А воронежская областная контора Нефтегора не соглашается завозить горючее в чужую область.

А тамбовский элеватор не соглашается давать семена «за границу». И областной союзбанк не согласен финансировать «чужаков». И в довершение всего Наркомат совхозов не находит возможным передать «Соревнование» одному из совхозных трестов Московской области: свиноводческой области не имеет, а изменить направление совхоза наркомат не хочет, тем более при жизни Марьи Ивановны.

— Курьезный, знаете, случай! — приветливо улыбнулся нам тов. Скороспешкин, заместитель начальника Главного управления свиноводческих хозяйств, когда мы покидали его кабинет, закончив беседу о неисповедимых судьбах «Соревнования». И, прощаясь, сказал вдохновенно, как бы узрев вдруг перед собой то светлое совхозное будущее, которому были посвящены эти его последние слова:

— Но пройдет, конечно, время, и законы областных границ будут мягче, и нефть потечет без затруднений из ЦЧО в Ефремов и...

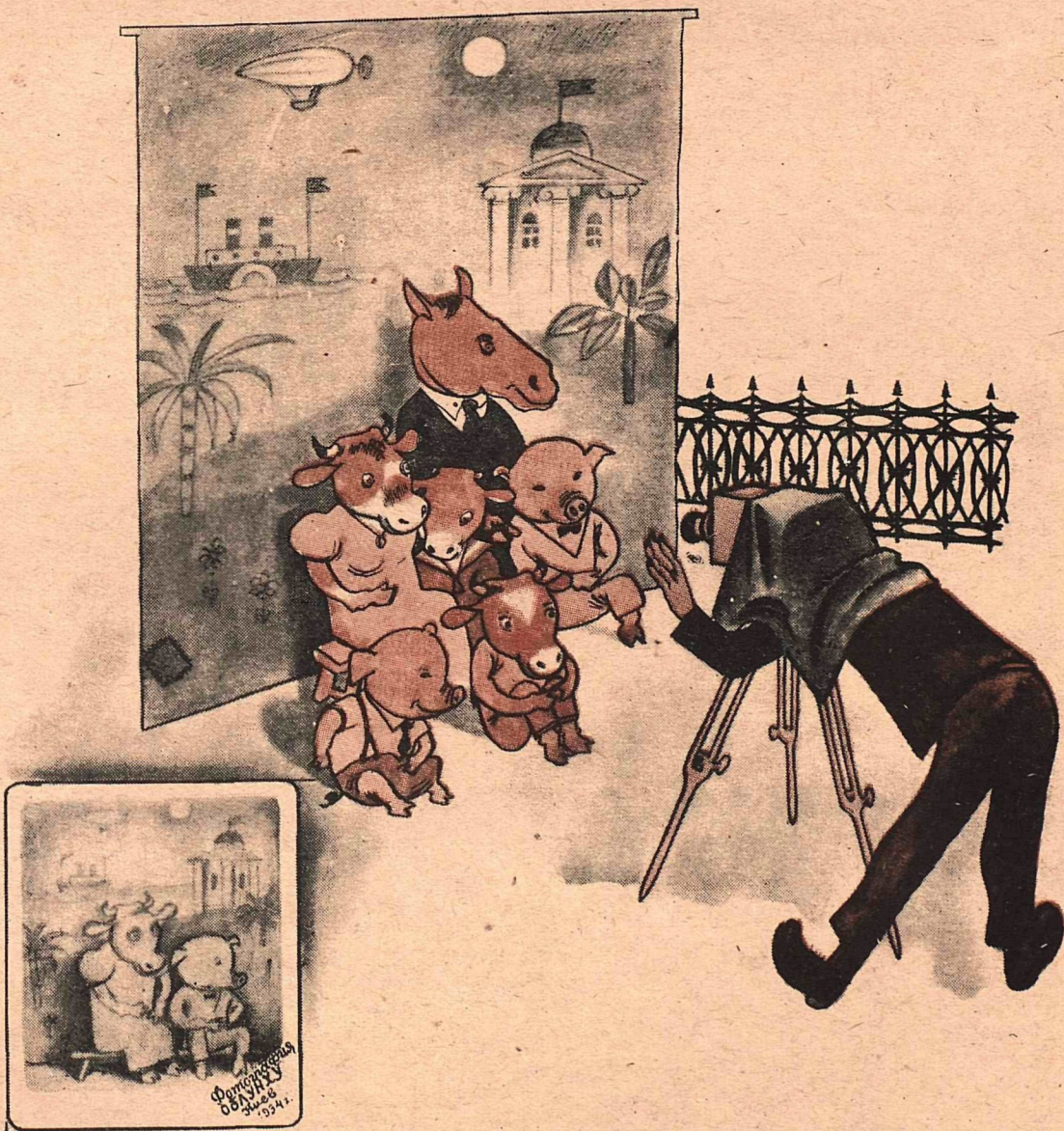
...Шла третья декада апреля. Сев шел к концу. На дыпочках, боясь спугнуть открывшееся внутреннему оку Скороспешкина виденье, мы перешагнули границу его кабинета, за которой жизнь шла, не укладываясь в ведомственную схему.

ПЕТР БЕЛЯВСКИЙ

ПРИЧУДЫ АППАРАТА

В Киевском областном управлении народнохозяйственного учета вследствие засоренности аппарата учет скота поставлен из рук вон плохо.

Рис. М. Храпковского

КРОКОДИЛ: — Почему это, товарищи, на фотографии вышло меньше скота, чем в натуре?
РУКОВОДИТЕЛИ КИЕВСКОГО ОБЛНХУ: — Ничего не поделаешь: аппарат плохой!

СТРАШНЫЙ СОН

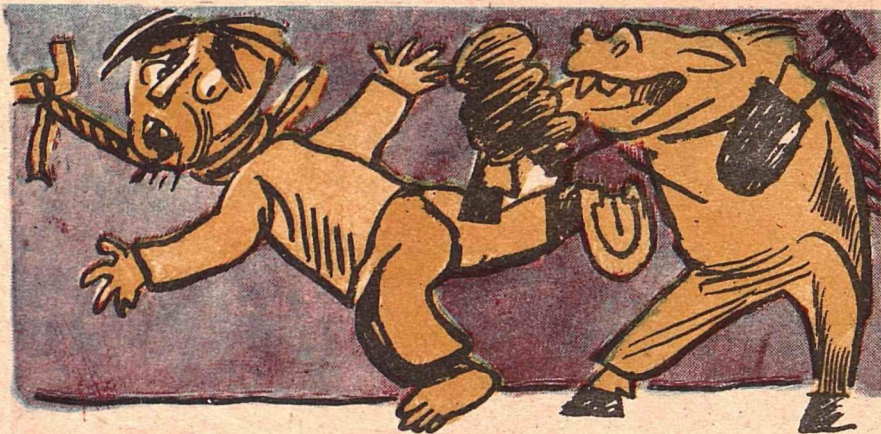
Рис. и текст А. Радакова

1. Заведующему конным двором снится страшный сон. Будто он перешел на положение лошади. Навалил на него жеребец Васька 200 пудов. — Негодяй, — шептал, задыхаясь, зав, — не знает, что на лошадь надо накладывать тяжесть только в полтора раза больше ее веса!

2. В грязи, в навозе сидел зав... Чесотка раз'едала его тело. — Тебе самому бы, проляглый, такую конюшню! Что бы тогда запел?

3. — Подковывает проклятый Васьна меня горячей подковой... на спорую руку, а через месяц все копыта у меня перелопаются, работать не смогу. Эх, был бы ты кузнецом в Красной армии, на двадцать суток посадили бы тебя, подлеца, под арест!

4. — Пришел выходной день, думал, что отдохну, подправлюсь, а Васька сунул мне клочок сена и проржал: „Вот тебе четвертая часть пайка. Кто не работает, — не ест“. И убежал, задрал хвост.

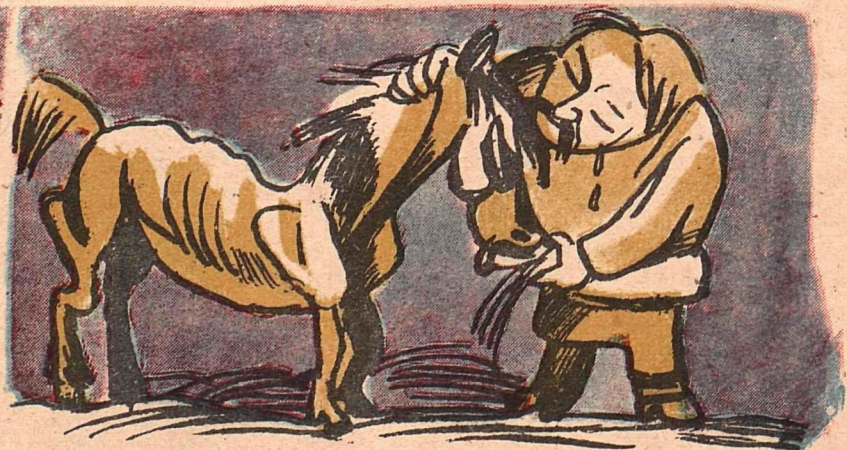
5. — Преступник, негодяй! Под суд таких лошадей отдавать надо! Пахота, а он меня за 30 верст к родственнику на пьянку гонит!

6. — Заболел... не мудрено, в такой грязи живу. А он, подлец, пришел, заржал и говорит: „Ветеринара тебе? А кнута не хочешь? Подыхай, не заплачу! Только тракторам мешаешь работать, под колесами вертись!“...

7. — Умирая, смотрел я, как этот проляглый невежа Васьна ломал трактор.

8. В холодном поту проснулся зав. Вскочил, помчался на конюшню и зашептал: „Простишь ли ты меня, Вася, исправлюсь я, поучусь, постараюсь!“ И капали горячие слезы из глаз на холодный навоз.

Мы, горожане,
ученые очень,
знаем,
как Русь
жила до Петра,
знаем,
что Иоффе
весьма озабочен
дроблением
некоего ядра.
Мы знаем,
что звезды — это планеты,
кошка — животное,
а яблоко — ранет.
Мы знаем,
что бога, конечно, нету,
тело имеется, а духа нет.
В суть явлений
проникнув глазами,
мир облизав,
как тарелку щей,
мы — для итогов
устроим экзамен
о происхождении вещей.
Гражданин,
проживающий в Москве,
пожалте, к доске.
Возьмем молоко.
Откуда оно?
Голос, слегка приbedненный:
— Молоко
на поезде привезено,
добывается из бидона.
— Верно!
А вот спросить ли у вас ли —
о масле?
— Масло?
Это которое тает?
Знаю,
пустячный вопрос для детей:
что-то берут,
в чем-то болтают,
затем намазывают
и едят.
— Отлично!
А кто
о баранине скажет?
Из рядов
подымаются пальчики:
— Баранина водится
в рисовой каше,
а бывает,
растет на палочке.
О колбасе
любого спрося,
можно в ответах
нежиться:
— Колбаску пекут!
— Невежество!
Ее ж не пекут,
а стригут с поросят,
а потом в магазине
режется.
— Хотите,
я расскажу про яйца
(выкрики — козы, овцы).
Товарищи,
яйца нас не касаются,
мы, товарищи, не толстовцы.
Экзамен наш
затянулся запоздно,
а вопросов разобрано
только треть;
мир познан,
а теперь остается
им овладеть,
то-есть
поесть,
наведя тишину,
дикорастущую ветчину.
Узнав,
что сыр растет с макаронами,
что шерсть с петухов
стрижет свинопас,
мы можем природу
считать покоренной
и снова мечтать
о полете на Марс.
И рассказывать,
в старости няньча внучат,
носы утирая
тряпочкой,
как козы кудачут,
как куры мычат
и какие рога
у рябчиков.

СЕМЕН КИРСАНОВ

ЗАВЕДУЮЩИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ МОСКОВСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ: — Проходите, граждане, здесь не зоопарк, чего не видели? Видите, — человек творческой работой занимается.

МАДАМ РАЯ С ИЗДУБАРОМ

Повидимому, без солидного княжеского титула белоэмигрантам стало трудновато получать даже невеселую работу по мытью тарелок, подавать котлеты де-воляй.
И вот, идя навстречу насущным потребностям белоэмигрантов, в Париже открылось специальное уголовно-художественное заведение по разысканию предков и гербов. Рекламируется оно в белых газетах так:

РОДОСЛОВИЕ

Справки по русским и иностранным родам, отыскивание и художественное выплнение гербов и родословных таблиц. Отыскивание прав на титул, дворянство, фамилии и т. д. до 12 ч. дня или по-сменно. 27 Rue George Sand, Paris. (16).

Единственный род, который трудно подыскать белоэмигранту при помощи такого заведения, это род занятий. Но и на этот случай имеется утешение в виде гадания на бобах, щедро предлагаемое организаторами другого заведения.
В газете „Бессарабское слово“ помещено такое объявление:

БОГИНЯ ВСЕХ ГАДАЛОК

Последние дни. Говорит имя клиента, имя врага, отсутствующего, а также имя любимого. Гадает на воде, кофе, хиромантии, фотографии, по почерку, по знаку, на бобах и на всех иностранных картах. Рассказывает секреты, интересы, мысли и тайны каждого и поразительно предсказывает будущее. Принесит лад в семейную жизнь и облегчает каждому в своем роде.
С почтением — мадам Рая. Авторизована под № 71755, Армянская, 43, шестая дверь слева.

Получив художественно выполненный герб, а также облегчение от мадам Рая, матерый белоэмигрант может перейти уже к восприятию чистого искусства.
Ему оно отпускается в таком виде („Возрождение“, 15/IV).

ВЕЧЕР Н. Д. БАЛЬМОНТА

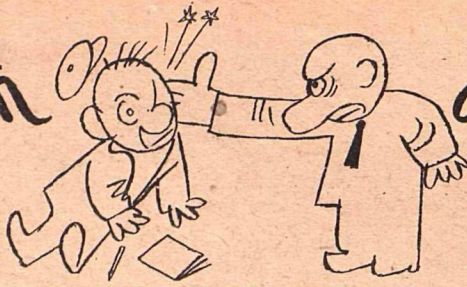
24 апреля в Мюзэ Сосиаль

Тема: ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ — ДВА В СЕРДЦЕ ОСТРИЯ.

Любовь и ревность. Уязвление любовью. Пушкин и Гоголь. Ревность — мачеха любви. Достоевский и Толстой. Истар и Издубар. Любовь с достижениями и любовь без достижений. Мирра Бальмонт. Любовь и любви. Смерть — хранительница любви.

В таком трепетном виде идет жизнь матерого белоэмигранта. С утра художественно выполненный дворянский герб, к обеду утешение от мадам Рая, а к вечеру Истар с Издубаром. Не всякому легко выдержать такую жизнь.

Рецепт спокойной жизни

Докладчик: — Граждане, наше домоуправление предложило мне прочесть жильцам дома небольшую лекцию о том, как организовать спокойную жизнь. По зрелом размышлении я согласился.

Многие удивляются, как это я сохраняю спокойствие духа и постоянно нахожусь в удовлетворительном настроении, в то время как вокруг идет такая бурная жизнь и происходит бессмысленная трепка нервов. Хорошо. В порядке обмена опытом я расскажу о всех моих достижениях.

Прошу только соблюдать тишину, в противном случае вынужден буду принять соответствующие решительные меры.

Итак, если человек хочет быть спокойным, он постоянно должен иметь при себе следующие предметы: записную книжку, хорошо оциненный карандаш и свисток. Да, я сказал свисток. Никакое спокойствие немислимо, если у вас в кармане нет свистка.

Скажем так. Вы входите в магазин с целью приобретения каких-либо продуктов питания или ширпотреба, или отдельных предметов роскоши, или канцелярских принадлежностей. Я не спорю, иногда все проходит гладко, — вы быстро налаживаете очередь к прилавку, покупаете нужную вам вещь, налаживаете очередь в кассу, платите и уходите. Но обычно посещение магазина не обходится без инцидента. Покупатель может вас толкнуть, продавец — грубо ответить, кассирша — заявить, что у нее нет сдачи. В таких случаях всегда начинаются крик, пререкания, волнение, в общем то, о чем я уже докладывал, — бессмысленная трепка нервов. Вот этого-то и не надо делать. Не надо повышать голоса.

Скажем, вас толкнули. Хорошо. Полное спокойствие. Вы выясняете, кто вас толкнул. Просите предъявить документы. Виновный, конечно, уверяет, что толкнул нечаянно и документы предъявить отказывается. Еще лучше. Вы приглашаете заведующего магазином и очень тихо, но твердо требуете от него немедленного удаления хулигана с территории торговой точки. Заведующий, конечно, заявляет, что это не его дело и что вообще нечего подымать шум из-за пустяков. Пустяки? Отлично. Без крика, тихо, спокойно берете карандаш и заносите фамилию бюрократа в записную книжечку. Заведующий говорит, что плевал он на мою книжечку. Ах, плевал! Замечательно! Вы мобилизуете покупательский актив, сплачиваете его и подымаете на борьбу с чиновником, потерявшим чувство действительности.

Покупатели не хотят включиться в борьбу? Не хотят сплачиваться? Превосходно! Вынимаете тот же карандаш и, сохраняя полнейшее спокойствие, переписываете поголовно всех граждан, находящихся в магазине. Да, да, поголовно всех, с указанием адресов и места службы. В борьбу с этими антиобщественными элементами вы вовлекаете продавцов.

Если продавцы не оказывают вам законного содействия, то тем лучше. Всех их туда же, в книжечку. Кассиршу тоже. Чтоб не смеялась идиотским смехом в ущерб своим прямым обязанностям. Вы мне, конечно, скажете, что виновные могут убежать из магазина, спасаясь, таким образом, от ответственности. В том-то и дело, что не могут. На скандал с улицы лезут любопытные, и в дверях образуются пробка — ни войти ни выйти.

14 Дети плачут, взрослые грозятся, какая-то неустойчивая женщина падает в обморок, слышит, так сказать, стук падения тела. Происходит то, о чем я вам докладывал уже два-

ды — трепка нервов. Но вы делаете свое дело, продолжаете переписывать.

Если в это время вас будут оскорблять разными словами, — очень хорошо! Отнеситесь к факту словесного оскорбления спокойно, зафиксируйте его в книжечке и поставьте против фамилии негодяя-оскорбителя птичку.

Нетерпеливый голос из зала: — А если дадут по морде?

Докладчик: — Вот этого мне только и надо. Я получаю по морде. Прекрасно! Теперь вся эта объединенная банда покупателей и продавцов в моих руках. Дела идут блестяще. Надо мной намечается суд Линча со стороны недовольных граждан. Уже хватают за толстовку. И тут я вынимаю свисток и громко, торжественно свищу. Никто не уйдет, все ответит: кто за оскорбление действием, кто за подстрекательство к оскорблению действием, кто за неоказание помощи во время оскорбления действием. Приходит милиционер, и вся компания преступников отправляется в милицию. И, заметьте, опять идет бессмысленная трепка нервов. Все вол-

нуются, не хотят идти в отделение, орут, что им надо на службу, к доктору, домой. Один я спокоен.

Спокойным меня делает сознание собственной правоты. Пульс 62, прекрасного наполнения. Температура тела тридцать шесть и семь. Зрачки реагируют правильно. Я даже улыбаюсь. По дороге все ужасно нервничают по поводу моего спокойствия, и на глазах у представителя власти мне еще несколько раз дают по морде. Превосходно! Вынимаете тот же карандаш и хладнокровно записываете в книжечку кто бил и сколько раз ударил. И ставите птичку. Теперь можно быть спокойным — дело дойдет до суда. Вообще, граждане, запомните аксиому, решительно все надо доводить до суда. Иначе не может быть никакой спокойной жизни.

Голос из зала: — Решительно все?

Докладчик: — Все решительно. Вы были на черинке, и кто-то надел ваши калоши. Выясняете, кто это сделал — и в суд его! И хозяйня в суд за то, что не досмотрел. И гостей в суд за пьянство и попустительство. Дело, конечно, не в калошах, не в трех рублях, дело в принципе. Если бы мы все доводили до суда, то кривая нервных заболеваний резко пошла бы вниз.

Голос из зала: — Это просто возмутительно. (Общий шум).

Докладчик: — Прошу не нарушать тишины. За нарушение тишины взимается штраф. Кстати, о штрафах. Давно пора уже возбудить вопрос о том, чтобы дать гражданам право штрафовать друг друга. Это сыграло бы огромную воспитательную роль. Я вас штрафую, а вы меня. Вы — меня, а я — вас. Кондуктора — публику, публику — кондукторов. Ведь какая была бы прелесть, какая началась бы спокойная жизнь, без этой трепки нервов. Получил с кого-нибудь пятерку, выдал квитанцию и пошел дальше. Но главное это все-таки суд. Я все довожу до суда. Сейчас, например, я сужусь с моей невестой по личному вопросу, за нанесение мне ею пощечины во время совместного посещения Художественного театра. Вы скажете, что это дело интимное, что было бы гораздо проще совсем не жениться на ней. Да, было бы проще. Но я это делаю принципиально. И у меня есть свидетели. Я переписал двенадцать человек из второго яруса и трех капельдинеров. Ее бандит-папаша рыщет по всему городу и обещает меня искалечить. Отлично! Спокойно жду хулиганского выпада. Единственное, что меня заботит, как бы будущий, так сказать, тесть не поймал меня без свидетелей. Придется в ближайшие горячие дни водить свидетелей с собой.

Вот, граждане, в общих чертах те методы, которыми я пользуюсь и которые дают мне возможность избегать бессмысленной трепки нервов и неизменно находиться в спокойном состоянии. Повторяю еще раз — ни шагу без суда, ни шагу без свидетелей, все должно быть за протоколировано, все... Кто вредный дурак? Я вредный дурак? Хорошо! Ах, даже мерзавец? Замечательно! Подлец? Великолечно! Вынимаю книжечку, беру карандаш и записываю... Не размахивайте руками, гражданин Феодалкин, суд все разберет. Кулаками вы ровно ничего не докажете. Ах, так? Оскорбление действием? Этого мне только и надо было. Нет, не умеете вы жить. Долго еще надо вам совершенствоваться (со вздохом вынимает свисток и громко свистит).

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ КРАЖА

Рис. К. Ротова

На пригородном хозяйстве Сталинградской швейной фабрики им. 8 марта воры украли корову. С этого и началось.

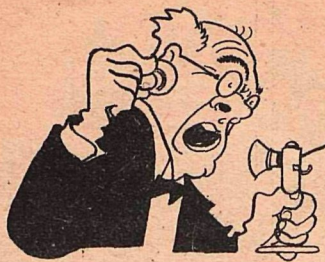
Корова оказалась настолько хилой и немощной, что ее пришлось сразу прирезать. Потребовалась лошадь, чтобы ее перевезти.

На свежееукраденную лошадь воры положили прирезанную корову. Увы! Лошадь оказалась такой истощенной, что...

ворам пришлось толкать телегу с коровьей тушей руками и при этом так неистово шуметь, что собралась толпа, и воров поймали.

Это пятьдесят три САМОУБИЙЦЫ

Сто пятьдесят три молодых человека решили покончить свою жизнь самоубийством.

Решение было окончательным. Об этом они сообщали в специальном письме, составленном в вежливых, но очень твердых выражениях.

Способ самоубийства всеми ста пятьюдесятью тремя был избран одинаковый. Они предполагали отсечь себе голову. Это давало гарантию немедленного перехода в царство теней.

Мрачные тучи чудовищного, неслыханного массового самоубийства нависли над городом Акроном и местным университетом, ибо все 153 молодых человека были студентами Акронского университета, что в штате Огайо, США.

Ректор университета — доктор Семюэль Джонсон, прочитав их полное трагической решимости письмо, побледнел, зашатался и в изнеможении упал в кресло. Сдрогааясь от ужаса, он пробежал подписи: Мартин Бреклей, Сидней О'Флагган, Роберт Вандердог, Фредерик Лай, Теодор Д'Оверахер, Джон Флажеолетт, Свен Циттерсен, Мак О'Цыпкин, Джек Алтаузен...

Но ведь это жизнерадостные юноши! Дети состоятельных и почтенных родителей! Обладатели чудесных блицпов! Энгузисты крикета и гольфа! Нужно немедленно принимать меры! Попробовать спасти! Отговорить! Университетские служители были брошены на розыски безумцев.

Между тем, все 153 студента вели себя точь в точь, как прежде. Они плясали на вечеринках и целовали девушек. Играли в гольф и смеялись громкими голосами над анекдотами.

Это были люди с железными нервами. Они послушно явились по зову ректора и чинно расселись в его огромной торжественной приемной. Со стен на них строго смотрели величавые президенты и седовласые корифеи науки. Студенты думали о незаконченных партийных гольфа и оставленных патефонах. Студенты сидели огорченные и скучные.

Ректор вызывал их к себе по одному. — Присаживайтесь, милый Боб, — непривычно мягко приветствовал он застенчиво топтавшегося у дверей Роберта Вандердога. — Берите сигару.

— Благодарю вас, я не курю, — ответил, запинаясь, Вандердог. И закурил предложенную ректором душистую сигару.

— Давайте, Бобби, поговорим по душам. Как мужчина с мужчиной. Вы уже не мальчик. Перед вами блестящее будущее. У вас превосходное происхождение. Что вас толкнуло подписать коллективное письмо о...

Вспотевший от небывалой своей миссии, ректор вдруг подумал, что будет, пожалуй, целесообразней не упоминать даже само слово самоубийство и, чуть заикнувшись, продолжал: — Что вас толкнуло, Бобби, на ваше неожиданное, а бы даже сказал страшное решение?

— Политические преследования, сэр. Я уверен, — каждый джентльмен сделает на моем месте то же самое. Не веря своим ушам, потрясенный ректор переспросил: — Политические преследования?! Дитя мое, вас преследуют за политические убеждения?! У вас есть политические убеждения?!

— В данном случае, сэр, речь идет не о монах, а о чужих политических убеждениях, — с достоинством отвечал Бобби.

— Но, дитя мое, — продолжал мистер Джонсон, — подумайте об ужасных последствиях вашего решения. Вы опозорите свою семью, свой университет, гордящуюся вами крикетную университетскую команду. Снимите, милый, свою подпись с письма. Опомнитесь...

— Подпись в торговом доме «Вандердог и сын» священна. Подумайте, сэр, что скажут конкуренты. Но, — тут доселе твердый голос младшего представителя фирмы «Вандердог и сын» дрогнул, — я не знал, что своим решением я могу покрыть позором мою семью...

— Я вас так понимаю, — проговорил растроганный мистер Джонсон, — очень трудно сразу отказаться от раз принятого решения, и поэтому не настаиваю. Посидите немножко тут же в кабинете и подумайте.

И обрадованный первой, хотя и не полной победой, профессор дружески хлопнул Вандердога по плечу и вызвал к себе Флажеолетта.

Предстояло полное повторение беседы с Вандердогом. — Джонни, — произнес непривычно мягко ректор, изобразив на своем лице неземное радушие. — Присаживайтесь. Берите сигару.

— Благодарю вас, сэр, я не курю, — ответил, запинаясь, Флажеолетт. И закурил предложенную ректором душистую сигару.

— Давайте, Джонни, поговорим по душам... В это время из приемной донесся резкий удар и стук падающего тела.

— Началось, — прошептал мистер Джонсон побелевшими губами и оцепенел. Опомнившись, он в несколько прыжков добежал до двери, рванул ее и очутился в приемной.

В приемной ничего не осталось от прежней размеренной и степенной торжественности. Кучки взбудораженных студентов о чем-то горячо и возмущенно спорили. Человек пять-шесть, опустившись на корточки, пытались носовыми платками стереть темное пятно, расплывавшееся по паркету.

Ректор подбежал к ним и громко застонал. Белоснежные носовые платки были в неоставлявших никакого сомнения красных пятнах. Тонкие струйки густой алой жидкости медленно ползли по девственной чистоте паркета.

— Кто? Умоляю вас, скажите мне, кто этот несчастный? — прохрипел обезумевший от ужаса мистер Джонсон.

Все молчали. Студенты мрачно и злобно смотрели друг на друга. Ректор вытер обильно катившийся со лба пот и умоляющими глазами посмотрел на студентов.

И вот один из них, самый юный, самый краснощекий и самый чувствительный, прорвал молчаливый фронт.

— Это Джекки Уэммик, сэр, — сказал краснощекий. — Он больше не будет... Он неожиданно... Мы ему говорили, что нельзя это делать у вас в приемной... Что это вас огорчит... Но Джекки был в полуневменяемом состоянии...

— Куда вы девали его тело? — простонал мистер Джонсон и схватился за голову.

— Его вынесли Тедди Д'Оверахер и Монти Морганюк. Они его только отнесут домой и сейчас же вернутся сюда.

Ректор понял, что он поступил неправильно. Нельзя было оставлять собравшихся студентов без присмотра. И вот в результате Джекки Уэммик — первая жертва.

Нельзя было терять ни одной минуты. Ректор взмолился: — Дети мои! Умоляю вас, не кончайте с собой, пока я сообщу шерифу по телефону о самоубийстве несчастного Уэммика...

Студенты всполошились, загудели. — Сэр, — крикнул один из студентов вдогонку мистеру Джонсону, — не будете ли вы любезны сообщить, какой это Уэммик покончил с собой?..

— Как вам не стыдно, — заорал вконец расвирепевший ректор, — как вам не стыдно валять дурака над неостывшим еще трупом Джекки Уэммика!

В приемной на минуту наступила гробовая тишина. И вдруг, оглушительный взрыв хохота потряс respectable ректорскую приемную.

— Но, сэр, — произнес, наконец, еле удерживаясь от смеха, Мартин Бреклей, — тут, очевидно, какое-то недоразумение. Насколько нам известно, Джекки еще несколько минут тому назад был жив и здоров, как бык.

— А выстрел? — спросил опешивший ректор.

— Это упал стул.

— А стук падающего тела?

— Это Джекки упал со стула. Он очень тяжелый, сэр...

— Почему же он упал?

— Он был пьян, сэр...

— Боже мой, но ведь на полу целая лужа крови...

— Эта кровь, сэр, продается в каждом винном магазине по полтора доллара за бутылку... Что касается нас, сэр, — из всех видов смерти мы бесспорно выбрали один. Мы твердо решили умереть от старости.

— Как от старости?! — обрадовался ректор. — Значит, вы уже раздумали отсечь себе голову? А как же ваше коллективное письмо? — И ректор, размахивая письмом со ста пятьюдесятью тремя подписями, обратился к собравшимся:

— Ваши подписи?

— Наши, — отвечали недоумевающие студенты.

— Не будете ли вы в таком случае добры прочесть текст письма, которое вы соизволили подписать?

Мистер Джонсон ткнул письмо первому попавшемуся. По мере чтения лицо у студента вытягивалось в сплошной вопросительный знак.

— Я... я... я ничего не понимаю... Тут говорится о самоубийстве. А я подписывал протест против политических преследований в Европе...

Там, насколько мне известно, сэр, во многих государствах к белым людям относятся так, как у нас относятся только к неграм.

— И я! И я! И я!..

Все дали свою подпись под протест. Не нашлось ни одного из ста пятидесяти трех человек, кто дал бы свою подпись под обязательство покончить жизнь самоубийством.

У мистера Джонсона гора свалилась с плеч. Значит, массовое самоубийство снимается с порядка дня. Теперь его мучила загадочность всей этой неожиданно ставшей смешной истории с подписями.

— Я думаю, друзья мои, — сказал он уже значительно повеселевшим тоном, — что всю эту историю можно объяснить...

Но тут его позвали к телефону. Звонил редактор студенческого журнала:

— Ну, как, дорогой доктор, — донесся из телефона веселый басок редактора, — не кажется ли вам, что вы проиграли пари?

— Какое пари?

— А помните, на прошлой неделе мы с вами поспорили. Вы утверждали, что все ваши студенты только и делают, что читают газеты и книжки. Я же, если вы помните, взял на себя смелость утверждать, что добрая половина студентов ничем, кроме спорта, не интересуется. Пари выиграл я. Третьего дня я разослал тремстам вашим воспитанникам циркулярное письмо с просьбой подписаться под протестом против политических преследований в Европе. И вот сто пятьдесят три человека из трехсот дали подписи, не потрудившись даже просмотреть текст письма. А в письме я заявил о своем решении...

— Покончить жизнь самоубийством посредством отсечения головы?.. — подхватил ректор и расхохотался.

— Вот именно!

— Поздравляю вас, старина, — торжественно промолвил ректор. — Вы блестяще выиграли пари. Знаете что, в винных магазинах завелось сейчас превосходное красное вино по полтора доллара за бутылку. Приходите ко мне сегодня же, и мы разопьем с вами бутылку, другую.

Мистер Джонсон положил трубку и закурил сигару. Никому из студентов он сигар не предложил.

Л. ЛАГИН.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНСБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 46. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 485 Сдача текста и рисунков 11/V-34 г. Подпись к печати — 15/V-34 г. Статформат А9—220×333. Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный. Главлита № В — 81485 Филиал тип. газ. „Правда“ изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Суздальский вал, 49. Зак. № 468. Тираж 300.000

15775

НА ВЗГЛЯД ЗНАТОКА

АРХИВ

2 ИЮН 1934

Г. Ц. К. П.

Рис. Ю. Ганфа

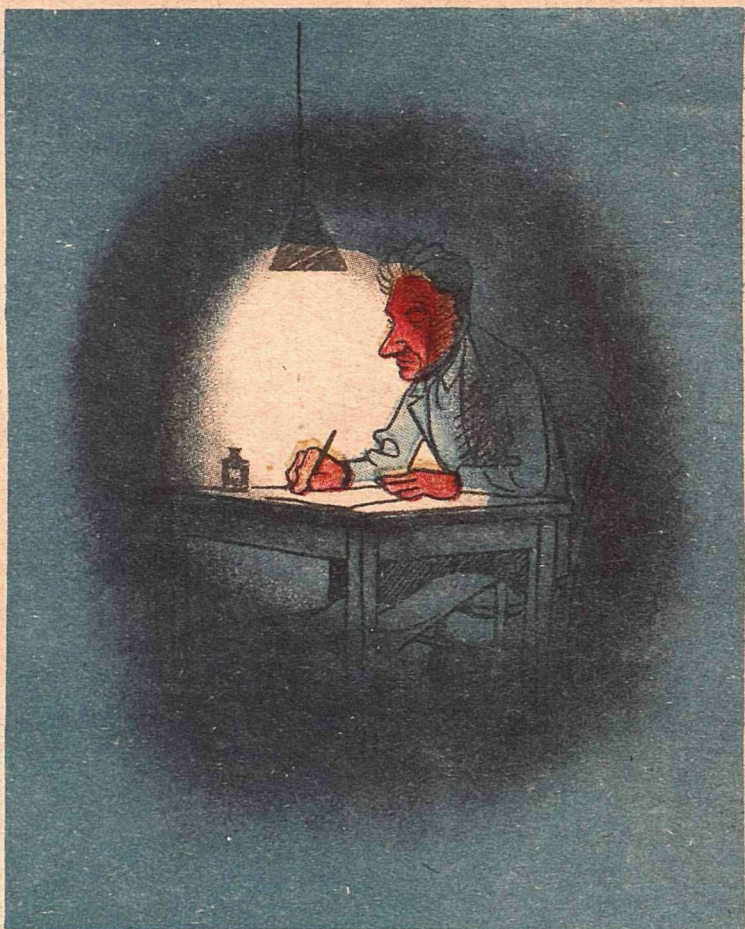

Сноповязалок только три ....

Крупной рога́той скот бросается в глаза своим бодрым видом ....

Курятники стоят на должной высоте...

Лобогрейками снабжены в достаточном количестве

Наряду с механической силой мы имеем хорошее использование тягловой силы ...